

УДК 339.9(571.6+511)

Н. Е. Антонова, А. Б. Бардаль, В. Д. Калашников,
В. Е. Кучерявенко, Н. В. Ломакина, П. А. Минакир

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Рассмотрены проблемы торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия Дальнего Востока России и Китая. Оценены тенденции по различным сферам сотрудничества, проанализировано влияние ключевых проектов в энергетике, лесной промышленности, на транспорте и в минерально-сырьевом комплексе. Предложены принципы перспективного развития Дальнего Востока России.

Внешняя торговля, иностранные инвестиции, минерально-сырьевой кластер, лесной комплекс, транспорт, энергетика, концепция.

Внешнеторговые и инвестиционные взаимодействия. Китай в настоящее время является одним из крупнейших внешнеторговых партнеров Дальнего Востока (третье место по объему товарооборота). КНР стабильно потребляет около половины экспортируемых Дальним Востоком нефтепродуктов, более 30% черных металлов, около 60% лесных товаров и более 20% рыбы и морепродуктов [8, с. 121]. В то же время объем экспорта дальневосточных территорий в КНР стабильно снижается на протяжении последних трех лет (*рис. 1*). По итогам 2008 г. на долю КНР приходится 12,3% дальне-

---

© Антонова Н. Е., Бардаль А. Б., Калашников В. Д., Кучерявенко В. Е., Ломакина Н. В., Минакир П. А., 2009

Статья основана на рабочих материалах, подготовленных к саммиту Россия – Евросоюз и совещанию о приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и развитии восточных регионов РФ, проведенному Президентом РФ (Хабаровск, 21–22 мая 2009 г.).

Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ (№ 09-02-88205а/Т и № 09-02-88209а/Т) и проектов ДВО РАН (№ 09-1-ООН-01, № 09-1-П26-02, № 09-III-A-10-543, № 09-III-A-10-545).

восточного экспорта против 30,5% в 2003 г. 36,2% импорта Дальнего Востока (первое место среди всех внешнеторговых партнеров) обеспечивается импортом из КНР. В 2000–2008 гг. темпы роста импорта из КНР значительно опережали темпы роста экспорта, что и обеспечило уверенный рост объемов взаимного товарооборота. Превышение темпов роста импорта в конечном счете привело к формированию отрицательного торгового баланса, который за 2007–2008 гг. составил 1,9 млрд долл. США, что составляет 28% суммарного положительного торгового сальдо за период 2000–2006 гг.

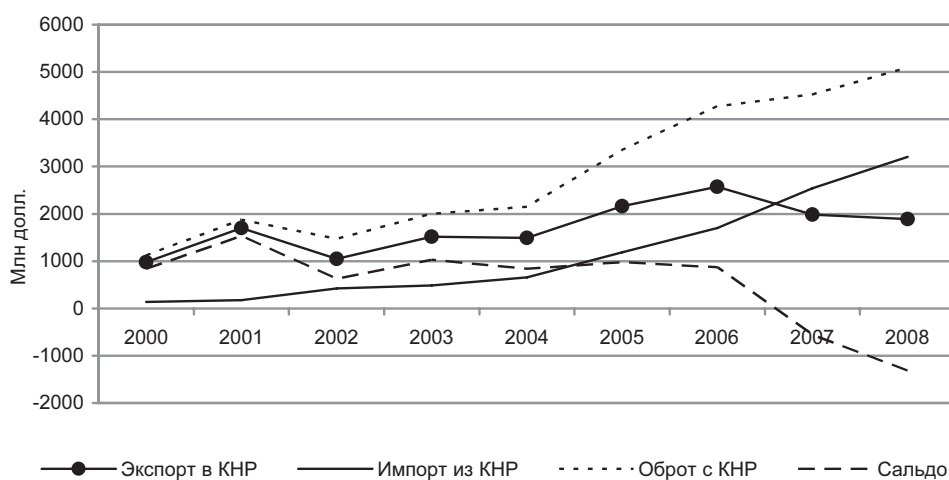

Рис. 1. Внешняя торговля Дальнего Востока с КНР, млн долл. США

Источник: данные таможенной статистики за соответствующие годы.

Нельзя не отметить также проблему противоречивости статистических оценок динамики торгово-экономического сотрудничества двух стран. Это отчасти объясняется различиями в методиках статистического учета, наличием нарушений законодательства в экспортно-импортной сфере, а также существованием института «приграничной торговли». Россия, в силу протяженности границы, является основным партнером Китая в приграничной торговле. Тем не менее, несмотря на большие объемы и важное значение для сопредельных регионов, значительная часть этого вида торговой деятельности российской официальной статистикой никак не учитывается. Это относится, например, к грузам, перевозимым физическими лицами (так называемыми «челноками»), в пределах объемов, разрешенных для беспощинного провоза через российскую границу.

Недоучет приграничной торговли, наряду с другими обстоятельствами, ведет к искаженной оценке не только объемов, но и тенденций внешней торговли между двумя странами в целом. Так, если, по российским оценкам, объ-

ем товарооборота между двумя странами в 2007 г. составил 39 573,25 млн долл., то по китайским — 48 154,78 млн долл.¹ (расхождение на 21,6%). Аналогичная ситуация имела место и во все предыдущие годы.

Китайские данные свидетельствуют о том, что взаимная торговля не только осуществляется в гораздо больших объемах, но и развивается динамичнее, чем об этом говорит российская статистика. Следовательно, реально Китаю может принадлежать большая, чем это принято считать, доля в структуре внешнеэкономических связей России в целом, и Дальнего Востока в частности. Так, по данным за 2007 г., в структуре импорта РФ доля КНР составляет, по российским данным, 7,6%, а по китайским — почти в 2 раза больше — 14,3%. Китайская внешнеторговая статистика отдельно не выделяет связи с Дальним Востоком России, но, по некоторым оценкам, реальные темпы роста товарооборота региона с КНР в 2–3 раза превышают темпы роста его товарооборота с другими зарубежными странами [4, с. 23–24].

Еще важнее, что расхождения существуют в оценке тенденций развития торговли. Так, Россия и Дальний Восток на протяжении всей истории двусторонних отношений имели положительное сальдо в торговле с Китаем, что служило доказательством эффективности развития торгового сотрудничества России с КНР. Однако, по китайским данным, положительное сальдо России не только значительно меньше, но и демонстрирует отличную от российских данных тенденцию к снижению.

Что касается отношений с северо-восточными провинциями КНР, то при общем многолетнем росте товарооборота торговля с ними не отличается стабильностью. Так, в отношениях с провинцией Хэйлунцзян, на долю которой приходится более 81% товарооборота Северо-Востока Китая с Россией, внешнеторговое сальдо российской стороны стало отрицательным еще в 2003 г. Аналогичная ситуация складывалась и в торговле с провинцией Цзилинь. Резкий скачок российского экспорта был зафиксирован лишь в 2005 г.

К началу 2009 г. отрицательное сальдо в торговле с Китаем имеют многие дальневосточные регионы: Приморский край (–1586,9 млн долл.), Амурская область (–47,9 млн долл.), Чукотский автономный округ (–28,2 млн долл.), Еврейская автономная область (–6,4 млн долл.), Магаданская область (–6,2 млн долл.) и Республика Саха (Якутия) (–4,9 млн долл.). В значительной степени это объясняется прогрессирующим ухудшением качественной структуры торговли. После 2000 г. нарастает сырьевая направленность дальневосточного экспорта в КНР. Ежегодно снижается доля в нем высокотехнологичной машинотехнической продукции (рис. 2), что объясняется прекращением военных поставок с территории Дальнего Востока.

¹ Рассчитано по [14].

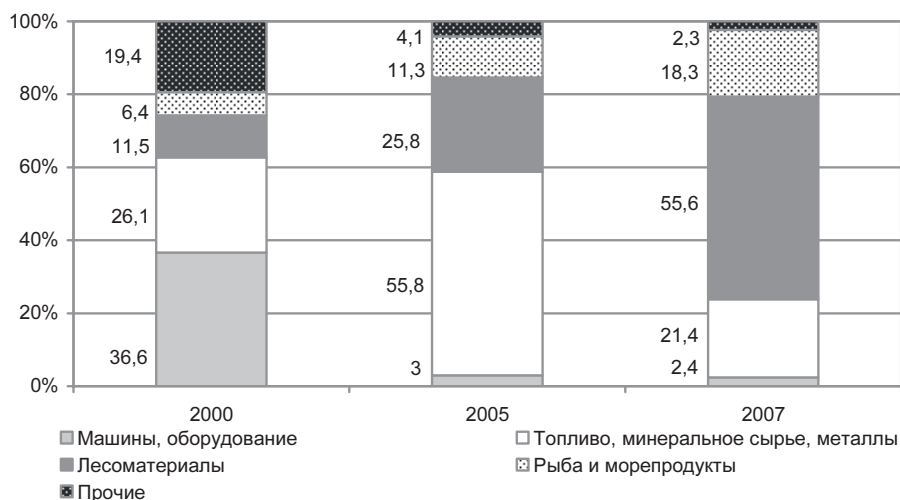

Рис. 2. Динамика структуры экспорта Дальнего Востока России в КНР, %

Источник: рассчитано по данным таможенной статистики.

Более того, теперь Китай поставляет на Дальний Восток продукцию машиностроения (табл. 1). В 2007 г. ее доля в импорте региона из Китая составила уже 26,4%. По данным за 2008 г., объем экспорта продукции машиностроения и электроники только из провинции Хэйлунцзян вырос на 76,8%, составив 3,92 млрд долл.¹

Таблица 1

Товарная структура импорта Дальнего Востока из Китая, %

Товарная позиция	2000	2005	2007
Машины, оборудование, транспортные средства	9,9	15,0	26,4
Топливо, минеральное сырье, металлы	2,7	8,4	10,8
Продукция химической промышленности	6,8	7,3	6,7
Строительные материалы	0,8	3,2	1,9
Сырье и продукция переработки	3,2	2,8	2,6
Товары народного потребления	71,6	63,4	49,4
промышленные товары	16,1	45,8	39,0
пищевкусовые товары	55,5	17,6	10,4
Прочие	5,0	0,0	0,3
Импорт, всего	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано по данным таможенной статистики.

¹ По данным агентства Синьхуа со ссылкой на Управление коммерции провинции Хэйлунцзян, в 2008 г. объем торговли между провинцией и Россией составил 11,06 млрд долл. США (19,5% общего товарооборота между КНР и РФ), увеличившись на 3,1% по сравнению с 2007 г.

В последние годы наибольшая доля в экспорте Дальнего Востока принадлежит нефтепродуктам и лесоматериалам, представленным на 95% круглым лесом. Однако ожидание введения новых пошлин на его вывоз привело к затовариванию рынка СВК этим товаром и в условиях частичной переориентации китайского рынка на другие источники леса, а также снижения деловой активности на фоне кризисных явлений в мировой экономике, сделало перспективы экспорта данного товара несколько неопределенными. Таким образом, в настоящее время происходит процесс резкого снижения диверсификации дальневосточного экспорта в Китай и его стремления к монопродуктовой структуре. Это повышает уязвимость внешнеторгового сектора региона и всей его экономической системы от колебаний цен на мировом рынке нефти, а также от спроса на нефтепродукты со стороны КНР.

Можно сделать вывод, что с точки зрения российской стороны нынешнее состояние торгово-экономических отношений между Дальним Востоком и КНР не в полной мере отвечает потребностям развития экономики российских приграничных территорий. Сохранение отмеченных тенденций может привести к тому, что при нынешних темпах роста импорта из Китая эта страна окажется для Дальнего Востока в роли партнера, на долю которого будет приходиться более 40% дальневосточного импорта и более 30% оборота внешней торговли региона. При этом отрицательное внешнеторговое сальдо Дальнего Востока продолжит увеличиваться, а экспорт в КНР приобретет по сути монопродуктовый характер [2].

Еще более ускорить развитие указанных негативных тенденций может обсуждаемое в последнее время создание вдоль границы с Китаем зоны свободной торговли, подразумевающее предоставление ему определенных преференций. Вместо ожидаемых выгод это может грозить чрезмерной экономической зависимостью восточных регионов России от рынка КНР.

В то же время резкое ограничение приграничной торговли также может иметь негативные последствия, так как она представляет собой самостоятельный сектор дальневосточной экономики, обладающий значительным потенциалом обеспечения самозанятости и развития частного предпринимательства. Кроме того, данный сектор обеспечивает малообеспеченные слои населения региона недорогими товарами народного потребления. Значение приграничной торговли для смягчения социальной ситуации на Дальнем Востоке особенно возрастает в периоды обострения кризисных явлений в экономике [10].

Инвестиционное сотрудничество между приграничными регионами российского Дальнего Востока и северо-восточными провинциями Китая развито слабо. Между китайскими и российскими производственными структурами сформировались инвестиционные противоречия. Ожидать от китайской

стороны серьезных инвестиций в экономику Дальнего Востока (в том числе в деревопереработку) не приходится, так как Китай в целом и СВК, в частности, скорее сами конкурируют с Россией и ее Дальним Востоком за инвестиции третьих стран. Это подтверждается тем, что в настоящее время объемы китайских инвестиций на территории Дальнего Востока ничтожны (на долю китайских инвесторов в 2008 г. приходилось лишь около 0,3% общего объема иностранных инвестиций, или 27 млн долл. США — табл. 2), а их отраслевую структуру нельзя назвать эффективной.

Таблица 2

**Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке,
распределение по странам-инвесторам**

Страна	2007		2008	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Нидерланды	3 462 432,7	55,3	4 852 359,9	56,15
Великобритания	782 550,6	12,5	782 506,7	9,05
Япония	350 912,4	5,6	648 090,9	7,50
Люксембург	286 370,7	4,6	560 090,3	6,48
Багамские острова	400 658,2	6,4	496 469,2	5,74
Виргинские острова	48 654,3	0,8	376 974,6	4,36
Индия	222 003	3,5	311 545,2	3,60
Кипр	79 861,8	1,3	194 313,7	2,25
Республика Корея	98 784,2	1,6	102 156,9	1,18
Канада	81 868,8	1,3	86 266,3	1,00
Австрия	66 197,1	1,1	82 039,2	0,95
Малайзия	—	—	47 661,3	0,55
Китай	29 514	0,5	27 060,8	0,31
США	19 241,0	0,3	26 357,8	0,30
Бермудские острова	72 386,9	1,2	10 182,3	0,12
Франция	150 000	2,4	4962,5	0,06
Германия	94 674,5	1,5	3430,0	0,04
Другие страны	13 985,4	0,1	29 697,1	0,34
Всего	6 260 095,6	100	8 642 165,1	100

Источник: фондовые материалы ИЭИ ДВО РАН.

Наиболее привлекательными регионами для китайского капитала традиционно являются Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, а также Еврейская автономная область. На долю Приморского и Хабаровского краев приходится соответственно 23,4 и 24,95% всего поступившего в регион китайского капитала (табл. 3). В Хабаровский край поступило в 2008 г. 6,75 млн долл. китайских инвестиций (или 2,81% всех средств,

поступивших в край из-за рубежа). Для Приморского края соответствующие показатели составили 6,3 млн долл. (или 0,79%). 17,3% китайских инвестиций было направлено в Амурскую область.

Таблица 3

Иностранные инвестиции по регионам Дальнего Востока в 2008 г.

Регион	Всего		Из Китая	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Республика Саха (Якутия)	666 050,9	7,71	—	—
Приморский край	804 147,8	9,30	6332,3	23,40
Хабаровский край	240 174,9	2,78	6750,9	24,95
Амурская область	137 741,8	1,59	4731,9	17,49
Камчатский край	199 735,6	2,31	2,0	0,01
Магаданская область	5013,6	0,06	4680,4	17,30
Сахалинская область	6 238 550,8	72,19	3149,0	11,64
Еврейская автономная область	10 846,2	0,13	1414,3	5,23
Дальний Восток	8 642 165,1	100	27 060,8	100

Источник: фондовые материалы ИЭИ ДВО РАН.

Что касается отраслевой структуры китайских инвестиций на Дальнем Востоке, то она остается достаточно стабильной. В число наиболее привлекательных секторов традиционно входят лесозаготовка и добыча руд драгоценных металлов. Причем, если в 2007 г. именно этот сектор привлек наибольший объем китайского капитала (12,1 млн долл., или 41% всех китайских инвестиций в регион), то в 2008 г. вложения в этот сектор снизились до 4,8 млн долл. Значительный рост в этот период продемонстрировали инвестиции в лесозаготовку (более чем в 3,5 раза) — до 5,57 млн долл., а также в производство модифицированной древесины (до 5,04 млн долл.), инвестиции в которое ранее не наблюдались. Более чем вдвое снизились в 2008 г. китайские вложения в сферу оптовой и розничной торговли, составив всего 4,4 млн долл. (по сравнению с 10,7 млн долл. в 2007 г.). При этом, если ранее большая их часть направлялась в розничную торговлю пищевыми продуктами, то в 2008 г. 89,5% инвестиций в данный сектор было направлено в оптовую торговлю рыбой и морепродуктами. Кроме того, традиционный интерес китайских инвесторов привлекают такие сектора, как строительство, операции с недвижимым имуществом и геологоразведочные работы.

Развитие внешнеэкономического сотрудничества Дальнего Востока России с Китаем и регионом СВА в целом во многом определяется реальностью

решения задачи повышения конкурентоспособности экономики и отдельных производств Дальнего Востока. Это относится не только к обрабатывающей, но и, возможно в первую очередь, к ресурсоэксплуатирующей промышленности.

Важным шагом в этом направлении представляется предстоящее присоединение России к ВТО, будет ли это индивидуальное или коллективное членство. Открывая путь к полноправному включению ее в мирохозяйственные процессы, оно способно дать мощный импульс формированию в стране конкурентной среды на уровне международных стандартов и сближению нашего хозяйственного законодательства с нормами и практикой других стран.

Переход к стратегии инновационно-освоенческого развития приведет к увеличению закупок инвестиционного оборудования, прогрессивных технологий, что еще более увеличит складывающийся торговый дефицит на региональном уровне. Это предполагает создание финансовых инструментов для поддержки целевого импорта в регион, направленного на повышение и поддержание уровня ценовой и качественной конкурентоспособности.

Конкурентоспособность дальневосточных предприятий и продвижение их продукции на внешние рынки во многом определяются перспективами производственно-технологического сотрудничества. Такое сотрудничество не только ускорит переход к современным методам производства и управления, выпуску продукции на уровне мировых стандартов, но и откроет возможности по созданию производств комплектующих материалов, узлов и деталей на отечественных предприятиях, что позволит постепенно формировать комплексы взаимосвязанных производств. Участие в выполнении заказов иностранных компаний облегчает сбыт изготавливаемой продукции, в том числе на внешних рынках, за счет встраивания в международные технологические и сбытовые «цепочки».

В качестве механизмов, позволяющих эффективно реализовать поставленные задачи, возможно выделить следующие [9].

Во-первых, создание контактных производственно-кооперационных и инвестиционных зон сотрудничества в форме технопарков, зон свободной торговли, специальных экономических зон. Создание локальных зон наиболее предпочтительно в приграничных районах, способных выполнять преимущественно функции содействия внешнеэкономической деятельности соответствующих районов, развитию их экспортного потенциала, в частности, на основе привлечения иностранного капитала, а также, при необходимости, иностранной рабочей силы. Перспективы создания зон любого типа на Дальнем Востоке во многом зависят от формирования ситуационной законодательной базы, ориентированной не на абстрактные либеральные цен-

ности, а на конкретные проблемы конкретного региона и конкретные национальные интересы.

На территории Дальнего Востока России, с точки зрения долгосрочных приоритетов «зональной» политики, целесообразно ориентироваться на создание промышленно-производственных зон в Хабаровском крае, Амурской и Сахалинской областях (нефтехимическая промышленность); Сахалинской области и Камчатском крае (переработка рыбы и морепродуктов). Размещение туристско-рекреационных зон возможно на территории Камчатского края, портовых зон — в Приморском и Хабаровском краях.

Во-вторых, активизация межрегиональных взаимодействий дальневосточных субъектов РФ с китайскими провинциями Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин в контексте реализации намеченных экономических преобразований на северо-востоке КНР. В настоящее время Китай проводит активную политику в плане структурной перестройки экономики его Северо-Востока, в частности, за счет модернизации старых и развития новых отраслей промышленности. Наблюдаемая на современном этапе позитивная динамика данного процесса в перспективе может привести к увеличению выпуска конкурентоспособной продукции предприятиями Северо-Востока Китая. Это может инициировать структурные сдвиги в российско-китайской межрегиональной торговле, результатом которых может стать рост импорта из Китая продукции инвестиционного назначения и сокращение активного сальдо внешнеторгового баланса Дальнего Востока России.

Сотрудничество в лесной отрасли. С начала 2000-х гг. Китай стал ключевым игроком восточноазиатского и мирового рынков круглого леса. С 2001 г. Китайская Народная Республика занимает первое место в мире по импорту круглого леса. Для восполнения дефицита древесного сырья в Китае с 2003 г. начался рост объема лесозаготовок, как в естественных лесах, так и за счет ввода в эксплуатацию новых плантационных лесонасаждений, в 2006 г. объем лесозаготовок достиг 66,1 млн м³. К 2010 г. планируется, что плантационные леса будут давать 96 млн м³ древесины (или 70% потребности), а к 2015 г. — 140 млн м³. Импортироваться же будет преимущественно высококачественная крупноразмерная древесина [8; 10].

В настоящее время на долю Китая приходится около 25% мирового и свыше 60% регионального спроса на импортную древесину. На Китай и Японию ориентированы главные азиатские регионы-поставщики: восточные регионы России и страны Юго-Восточной Азии.

В 1996—2003 гг. китайское руководство предприняло ряд шагов для стимулирования притока дешевой российской древесины в КНР, включая стимулирование мелкомасштабной приграничной торговли через снижение в 2 раза импортных пошлин на круглую древесину и пиломатериалы и до

6,5% — налога на добавленную стоимость. Кроме того, были предоставлены серьезные преференции двум главным пропускным пунктам Северо-Восточного Китая — Суйфыньхэ и Маньчжурия, что привело к резкому росту импорта древесины из России. Около 95% китайских заводов размещаются на границе, где осуществляют первичную переработку, и отправляют продукцию на внутрикитайский рынок для вторичной переработки. Затем она отправляется в другие страны (в том числе обратно в РФ). В городах Далянь и Суйфыньхэ созданы крупные заводы по переработке российской древесины.

Импорт Китаем круглой древесины нетропических пород чрезвычайно велик и продолжает расти, их основным поставщиком является Россия, которая в настоящее время обеспечивает почти 2/3 физического объема круглых лесоматериалов для Китая. По данным китайской таможенной статистики, общий объем импорта круглой древесины в 2007 г. составил 37,1 млн м³, из которых 68,5% (25,4 млн м³) Китай ввез из России. Из них 83% — хвойные породы (сосна, лиственница, ель и пихта), остальное — лиственные (дуб, ясень, осина) [10].

В товарной структуре российского лесного экспорта в Китай доля пиломатериалов составляет лишь 10%. Но при этом российские пиломатериалы, в основном из хвойных пород, также занимают лидирующее положение в китайском импорте, но гораздо более скромное, чем круглая древесина — 24,4% (или 1,6 млн м³) в 2007 г. В этом сегменте лесного рынка присутствует много других поставщиков — США, Канада, Новая Зеландия, страны ЮВА и др., поэтому конкуренция очень высока. До настоящего времени Россия выигрывала за счет ценовой конкурентоспособности своей продукции, позиции которой еще более усилились в связи с принятием в 2007 г. решения Правительства РФ о снижении экспортных пошлин на пиломатериалы для стимулирования экспорта продуктов переработки [5].

Кроме того, КНР сама является мировым экспортером пиломатериалов, в том числе в другие страны Восточной Азии. В 2007 г. Китаем было экспортировано 0,7 млн м³ пиломатериалов.

Другим важным российским экспортным товаром в КНР является целлюлоза. России принадлежит около 11–12% общего импорта целлюлозы в Китай, но она сравнительно низкого качества. Доля целлюлозы в структуре импорта является самой высокой в стоимостном объеме импорта КНР.

В остальных сегментах рынка лесных товаров Россия представлена слабо (бумага, фанера) или практически не присутствует (шпон, щепка, плитные материалы, мебель). Эти сегменты прочно заняты традиционными производителями из Юго-Восточной Азии, имеющими устоявшиеся товарные потоки, и вход на эти рынки новых производителей из России будет очень сло-

жен. Сам Китай с каждым годом увеличивает свою долю на мировом рынке именно в качестве экспортера продукции лесопереработки, особенно мебели (он обеспечивает почти 50% мировой потребности). В течение последних лет перед кризисом в Восточной Азии высокими темпами рос спрос на строительные материалы из древесины и мебель, существенные мощности, по выпуску которых концентрируются и постоянно наращиваются в КНР [3].

В настоящее время сотрудничество Дальнего Востока с КНР в лесной сфере в основном осуществляется в форме торговли: Дальний Восток экспортирует в Китай большей частью круглую древесину (95–96%) и незначительное количество пиломатериалов, а импортирует изделия более глубокой переработки (плитные материалы, мебель). Еще одной формой сотрудничества являются инвестиции в лесозаготовку, а в последнее время и переработку древесины, хотя пока и незначительные, сдержанные.

В географической структуре дальневосточного экспорта продукции лесной отрасли доля Китая за период 2002–2007 гг. выросла с 54 до 72%. Объем экспорта в 2007 г. составил 10,9 млн м³. Дальний Восток в настоящее время обеспечивает 40% российского лесного экспорта в Китай.

В основном экспортируют древесину в КНР 4 территории Дальнего Востока: Хабаровский и Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области. Лидирует Хабаровский край — 6,7 млн м³ (или 62%), Приморский край экспортировал 2,6 млн м³ (24%), Амурская область — 1,2 млн м³ (11%), Еврейская автономная область — 0,2 (2%).

До повышения экспортных пошлин российская круглая древесина была наиболее привлекательной по цене на китайском рынке по сравнению с древесиной из других стран, хотя ее цена была примерно на 10–20% выше цены древесины, произведенной в самом Китае. После повышения пошлин она потеряла свои конкурентные позиции.

Для Дальнего Востока повышение экспортных пошлин уже на первых этапах повлекло за собой ряд негативных последствий, включая ухудшение параметров функционирования лесного комплекса из-за падения конкурентоспособности круглой древесины на внешнем рынке. Традиционные китайские партнеры стали постепенно сокращать закупки российской древесины, начав активный поиск более стабильных ее источников в Канаде и США. В течение 2008 г. в Китае происходило постепенное увеличение запасов необработанной древесины, что можно объяснить как желанием импортеров осуществить максимальные поставки до введения Россией заградительных пошлин, так и снижением спроса со стороны китайских переработчиков. Начало кризисных тенденций в мировой экономике способствовало еще большему сокращению объемов импорта древесины из-за падения объемов производства лесопромышленной продукции в Китае. Это происходит вследствие сни-

жения спроса и цен на продукты переработки древесины в США и ЕС, куда поставлялся основной объем лесных товаров Китая. За 8 месяцев 2008 г. экспорт фанеры из Китая упал на 14% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (до 5,3 млн м³). Доля экспорта китайской мебели в США хотя и увеличилась в натуральном выражении, но в стоимостном выражении сократилась на 3%, до 1,9 млрд долл. Это также явилось причиной сокращения экспорта дальневосточной древесины. В 2008 г. дальневосточными лесопромышленными предприятиями экспортировано в КНР 9,9 млн м³, по сравнению с 2007 г. спад составил 9%.

Вопрос о доступности сырья приобретает все большую важность в Китае. Повышение цен на сырье в результате роста пошлин в России, несомненно, окажет значительное давление на издержки производства и общий уровень цен выпускаемой продукции. Тем не менее не следует преувеличивать последствия этого решения для китайской деревообрабатывающей промышленности. В наибольшей степени пострадают мелкие лесопильные производства и в меньшей степени — предприятия последующей технологической цепочки (получающие от первых пиломатериалы и отходы) и потребители. Крупные производства (древесных плит, целлюлозно-бумажных изделий) в Китае характеризуются сильной вертикальной интеграцией и поэтому смогут пережить рост затрат на сырье, в том числе за счет переноса их на цену конечной продукции. То же относится к китайским предприятиям, производящим конструкционные изделия из древесины, плотничьи и столярные строительные изделия и другие лесные товары с более высокой добавленной стоимостью из хвойного сырья и связанным долговременными контрактами на поставку своей продукции на Запад, в «дорогие» страны, для них такое изменение цен на продукцию не окажется критичным.

Слабое развитие мощностей по переработке древесины, отсутствие технических и технологических возможностей отрасли для перехода от примитивной заготовки к полной переработке сырья в совокупности с отсутствием наработанных ниш на внешних рынках готовой лесопродукции пока не дает шансов для появления новых импульсов развития лесного комплекса Дальнего Востока за счет продвижения на мировые рынки при существующем в настоящее время уровне конкуренции [7].

Одной из возможностей развития лесного комплекса Дальнего Востока могло бы стать инвестиционное сотрудничество с китайскими партнерами в этой сфере. Одной из примитивных форм инвестиционного сотрудничества явилась поставка дальневосточным предприятиям примитивных пиломатериалов, зачастую бывших в употреблении, для производства низкокачественных пиломатериалов и последующего их экспорта в Китай, в целях избежания уплаты повышенных пошлин.

Наиболее активно китайский бизнес работает в лесном комплексе Амурской области, но в основном в лесозаготовке. Доля иностранных инвестиций в основной капитал в ЛПК области составила за 2006–2007 гг. 39% всех инвестиций. В 2007 г. в ЛПК области работало 44 иностранных предприятия, в основном китайских, из которых 41 вело деятельность в сфере лесозаготовки и 3 — в деревообработке. Китайскими предприятиями заготовлено в 2007 г. более 450 тыс. м³ древесины, или 34% общего объема деловой древесины, заготовленной в области [5].

Официальные власти КНР настойчиво рекомендуют китайским бизнесменам направлять инвестиции в использование лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Серьезные китайские капиталовложения в лесной комплекс Дальнего Востока возможны. Особенно с учетом того, что китайским руководством взят курс на расширение объемов экспорта капитала до уровня, сопоставимого с прямыми иностранными инвестициями, привлеченными в Китай. Этому процессу также должно способствовать проведение в КНР государственной политики, направленной на освоение и использование российских лесных ресурсов как одного из приоритетных направлений двустороннего сотрудничества.

Сотрудничество в сфере разработки минерально-сырьевых ресурсов. В настоящее время на территории дальневосточных субъектов РФ существует ряд намеченных к реализации ресурсных инвестиционных проектов, в качестве окончания технологической цепочки которых рассматривается получение конечных продуктов с высокой добавленной стоимостью в Северо-Восточном Китае.

Одним из примеров возможного «пересечения» интересов может стать развитие черной и цветной металлургии.

На Дальнем Востоке намечены к реализации достаточно амбициозные проекты формирования «нового облика» этих отраслей на юге региона (Амурская и Еврейская автономная области). При реализации этих инвестиционных проектов могло бы начаться реальное создание «промышленно-сервисной дуги». Однако первый этап их реализации предусматривает экспорт первичной продукции переработки минерального сырья с Куранахского, Кимканского, Сутарского месторождений, прежде всего в КНР. При этом предусматриваются серьезные вложения (в т. ч. и в рамках частно-государственного партнерства) в инфраструктурные проекты (железная дорога, мост, портовые сооружения) (табл. 4).

В то же время появилась информация о строительстве в Северо-Восточном Китае (г. Цзямусы) завода по производству титановой губки на базе сырья Куранахского месторождения с участием компании Agicom, а также предприятий по ее дальнейшей переработке в титановый прокат и произ-

водства изделий из него. Годовой финансовый объем производства всего титанового проекта в рамках создаваемого технопарка «Цзямусы» достигнет 16 млрд юаней, а прибыли — 1,5–20 млрд юаней, что обеспечит 3000 новых рабочих мест на самом предприятии и более тысячи — в его инфраструктуре. Кроме того, появление новых титановых производств может инициировать развитие ряда местных малых добывающих и перерабатывающих предприятий, которые станут претендовать на роль смежников. Продукция технопарка может составить 1/4 долю китайского титанового рынка [12].

Эти проекты на российской и китайской сторонах могут в перспективе привести к возникновению металлургического «кластера» по обе стороны границы.

Таблица 4

**Горно-металлургический «кластер» в южной зоне Дальнего Востока
и на Северо-Востоке Китая**

Территория	Горно-металлургический блок	Инфраструктурный блок
Амурская область	Гаринский ГОК: 7 млн т сырой руды, 2,93 млн т товарной руды и 2,9 млн т офлюсованных окатышей Освоение титаномагнетитовых месторождений Б. Сейим и Куранахское	Автодорога Гарь — Февральск и мост через р. Селемджу (3640 млн руб.), высоковольтная линия (220 кВ) Шимановск — Гарь (810 млн руб.)
Еврейская автономная область	Кимкано-Сутарский ГОК: добыча руды — 10 млн т и производство 6–7 млн т концентрата и 3 млн т железорудных окатышей (22,9 млрд руб.)	Железнодорожный мостовой переход Нижнеленинское — Тунцзян (КНР) для поставки в Китай продукции Кимкано-Сутарского ГОКа, а также концентратов руд из Амурской области (в целом до 20–25 млн т в год к 2013 г.); реконструкция железнодорожной ветки Биробиджан — Нижнеленинское (124 км)
Хабаровский край		Комплекс по перегрузке железорудных концентратов мощностью до 7 млн т, Советская Гавань
Северо-Восточный Китай (пров. Хэйлунцзян)	Железорудный концентрат и окатыши для черной металлургии СВК Совместное предприятие (65% Agicom, 35% Chinalco) по производству губчатого титана (30 тыс. т, 1 очередь — 15 тыс. т) из ильменита Куранаха, г. Цзямусы (3 тыс. занятых)	Строительство железной дороги к пункту пропуска Тунцзян в районе Хуайтао (напротив порта Нижнеленинское)

С китайской стороны уже достигнуты договоренности о начале строительства железнодорожного моста через реку Амур между поселком Нижнеленинское и китайским городом Тунцзян в августе 2009 г. Однако планируемые к перевозке объемы железорудной продукции (железорудный концентрат и окатыши) могут быть перевезены и через существующие пункты пропуска в Приморском крае. В то же время ввод моста в действие негативно скажется на грузообороте погранперехода «Гродеково — Суйфыньхэ» и приморских портов, через которые переваливается часть экспортных и транзитных грузов, следующих на юг Китая.

Другой пример сотрудничества — предварительные договоренности о начале совместного освоения Евгеньевского месторождения апатитов в Амурской области. Работы должны начаться до 15 июня 2009 г. Стороны договорились о совместном проведении работ по геологической разведке и добыче апатитов для обеспечения производства 1,2 млн т сложных фосфатных удобрений. В связи с этим был подписан соответствующий протокол о строительстве обогатительной фабрики по производству апатитового концентрата на территории Амурской области и завода по производству фосфатных удобрений на территории г. Хэган (КНР). Будет создана «Амурская фосфорная компания», которая займется геологической разведкой и добычей апатитов на Евгеньевском месторождении для дальнейшей отправки их на завод в г. Хэган [13].

Достаточно реальными выглядят перспективы использования минеральных ресурсов вновь осваиваемых месторождений Дальнего Востока в традиционно сырьевом варианте — добыча, первичное обогащение и экспорт. Такого рода примеры есть и в других отраслях ресурсного сектора региона.

Сотрудничество в области энергетики (нефть, газ, электроэнергия). Сотрудничество в сфере энергетики является наиболее перспективным на настоящий момент направлением взаимодействия, позволяющим постепенно увеличивать инновационную составляющую за счет повышения степени переработки, внедрения новых методов добычи и транспортировки. Вместо негативной концепции превращения в «сырьевой придаток» возможно и необходимо использовать позитивную концепцию превращения региона в ключевого поставщика энергоресурсов в КНР, регионального монополиста, формирующего зависимость сопредельного государства от собственных поставок и собственной политики, способного диктовать свои условия с учетом неизбежно растущей потребности КНР в энергоресурсах.

К настоящему времени действует пакет различных соглашений и двусторонних инициатив в сфере сотрудничества между российскими энергетическими компаниями и китайскими государственными компаниями, а также правительственными структурами.

К ним относятся:

- соглашение о стратегическом партнерстве между ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтяной компанией (China National Petroleum Corporation, CNPC) (октябрь 2004 г.);
- меморандум о взаимопонимании между РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая (март 2005 г.);
- соглашение о долгосрочном сотрудничестве между ОАО РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая (июль 2005 г.);
- протокол изучения вопроса о проектировании и строительстве нефтепровода Сковородино — граница с КНР с целью достижения понимания в вопросах разработки ТЭО и строительства данного нефтепровода (март 2006 г.);
- соглашение между ОАО «НК «Роснефть» и Китайской национальной нефтяной компанией об основных принципах создания совместных предприятий на территории России и Китая для углубления сотрудничества в нефтяной сфере (март 2006 г.);
- соглашение между РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая о всесторонней разработке ТЭО проекта поставки электроэнергии из России в Китай (март 2006 г.);
- рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО «НК «Роснефть» и Китайской нефтехимической компанией Sinopec (ноябрь 2006 г.);
- соглашение о совместной нефтепереработке и сбыте нефтепродуктов в Китае между ОАО «НК «Роснефть» и Sinopec (ноябрь 2006 г.);
- соглашение об укреплении сотрудничества в области перевозок сырой нефти между ОАО «РЖД» и Министерством железных дорог КНР (март 2007 г.);
- соглашение о стратегическом сотрудничестве между China National Aviation Fuel (CNAF) и ОАО «НК «Роснефть» (апрель 2007 г.);
- соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО «ЛУКОЙЛ» и Китайской национальной нефтяной компанией (сентябрь 2007 г.);
- документы между ОАО «НК «Роснефть», АК «Транснефть» и Китайской национальной нефтяной компанией, Банком развития Китая о кредитах российским компаниям на 25 млрд долл. в обмен на контракт о поставках нефти из России в Китай сроком на 20 лет (февраль 2009 г.).

Эти стратегические инициативы отражают высокую динамику в развитии российско-китайского энергетического сотрудничества, которое в настоящее время концентрируется на трех секторах — нефтяном, газовом и электроэнергетическом [11].

Нефтяной сектор. В настоящее время в стадии осуществления находится ряд совместных проектов в сфере поставок российской нефти в КНР.

- Продолжается строительство нефтепроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» (проект ВСТО), в частности, близок к завершению первый этап ВСТО. В апреле 2009 г. состоялась официальная церемония начала строительства нефтепровода-ответвления Сковородино — КНР мощностью 15 млн т/год.

- Осуществляется экспорт нефти из России в Китай по железной дороге. Основной поставщик — ОАО «НК «Роснефть», также поставки осуществляются ОАО «Газпромнефть» и ОАО «ЛУКОЙЛ». В 2005 г. объем перевозок нефти в Китай по железной дороге составил 8 млн т, в 2006 г. — 10,3 млн т, в 2007 г. — 9 млн т.

- В 2006 г. CNPC осуществила стратегические инвестиции в активы российской нефтегазовой компании ОАО «НК «Роснефть», приобретя на Лондонской бирже пакет акций компании в ходе IPO на сумму в 500 млн долл. США.

- В 2006 г. ОАО «НК «Роснефть» и Sinopet установили контроль над российской нефтегазовой компанией ОАО «Удмуртнефть».

- ОАО «НК «Роснефть» и Sinopet ведут совместные разведочные и поисковые работы в пределах Венинского блока проекта «Сахалин-3». Кроме того, компании совместно разрабатывают Адайский блок в Казахстане.

- В 2006 г. ОАО «НК «Роснефть» и CNPC вместе учредили компанию ОАО «Восток Энерджи», которая получила в пользование два участка в Иркутской области для геологического изучения и добычи углеводородов.

Газовый сектор. В 2006 г. ОАО «Газпром» и CNPC подписали протокол о поставках природного газа из России в Китай, установивший сроки, предполагаемые объемы и маршруты поставок газа из России в Китай. В соответствии с протоколом планируется построить два газопровода в Китай («Восточный» и «Западный» маршруты) общей пропускной способностью 68 млрд м³ газа в год к 2020 г.

Электроэнергетика. В настоящее время для приграничного экспорта электроэнергии из Амурской области в провинцию Хэйлунцзян существуют три межгосударственные линии электропередачи. Приграничный экспорт получил начало в 1993 г. Максимальные поставки составили около 400 млн кВт·ч в год.

В ноябре 2006 г. было подготовлено совместное предварительное ТЭО проекта крупномасштабного экспорта электроэнергии из восточной части России в Китай стоимостью около 20 млрд долл. Проект планируется реализовать в три стадии. На первой из них намечается расширение приграничной торговли до 4,5 млрд кВт·ч в год. На второй — строительство новых генери-

рующих мощностей на юге Дальнего Востока для увеличения экспорта до 22,5 млрд кВт·ч в год. После 2015 г. — на третьей стадии проекта — предполагается строительство еще нескольких тепловых и гидроэлектростанций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Целевой объем экспорта — 60 млрд кВт·ч в год.

В то же время, несмотря на хорошую динамику российско-китайских контактов, реализация совместных инициатив в области энергетического сотрудничества сталкивается с рядом проблем. Это связано с тем, что интенсивная реализация совместных инициатив в области энергетического сотрудничества с КНР имеет ограничения стратегического характера [11], такие как:

- отсутствие надежной разведанной сырьевой базы нефти в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия);
- несогласованность и противоречивость российских планов формирования инфраструктуры газоснабжения и организации экспортных поставок природного газа на тихоокеанском направлении;
- внутри российского бизнес-сообщества и правительственных кругов нет однозначного мнения по поводу конкретных форм и направлений международного энергетического сотрудничества на тихоокеанском направлении. Приоритеты российской энергетической геополитики явно склоняются в сторону европейского направления;
- китайская сторона является сложным партнером для согласования долгосрочных условий сотрудничества. Китайские партнеры с неохотой признают международные стандарты заключения долгосрочных энергетических соглашений и контрактов. В частности, ключевой проблемой является установление «справедливой» цены на российские природный газ и электроэнергию, экспортируемые в Китай. Например, приграничная торговля электроэнергией с КНР имеет почти пятнадцатилетнюю историю, но организация системы торговли несовершенна: условия поставок электроэнергии не включают «формулу цены». В результате из-за тарифных разногласий в 2007–2008 гг. приграничная торговля электроэнергией вообще не осуществлялась. В 2009 г. были предприняты совместные шаги к разблокированию ситуации с приграничным экспортом электроэнергии. Тем не менее вопрос «формулы цены» до сих пор является камнем преткновения в осуществлении проекта крупномасштабного экспорта электроэнергии;
- долгосрочные оценки возможностей крупномасштабного экспорта электроэнергии из ОЭС Востока в КНР показывают, что в регионе не так много эффективных проектов в области эксплуатации природных ТЭР. Интенсивная экспортная нагрузка к 2025–2030 гг. «выберет» все эффективные гидроэнергетические проекты Южной Якутии и юга Дальнего Востока. В

этой связи экономически эффективные проекты ГЭС на юге Дальнего Востока целесообразно оставить в «стратегическом резерве» Российской Федерации. Экспортные позиции рациональнее обеспечивать проектами на угле, возможно, на природном газе и ядерной энергии;

- региональные власти настороженно оценивают перспективы масштабного экспорта энергоресурсов на рынок КНР. В этой связи есть стратегический риск дефицита топлива и энергии (прежде всего, высококачественных видов) в восточных районах России из-за больших объемов экспорта энергоресурсов. Например, опыт реализации нефтегазовых проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» показывает, что ресурсов для внутреннего потребления на Дальнем Востоке практически не остается;

- пока отсутствует рациональное понимание возможностей использования потенциала энергетического сотрудничества в целях развития восточных районов России. Действительно, реализация пакета ресурсных и инфраструктурных энергетических проектов на китайском (и вообще азиатско-тихоокеанском) направлении в силу своих экономических масштабов номинально может быстро и дискретно увеличить экономические показатели Дальнего Востока. В 2015 г. валовой выпуск только в нефтегазовом секторе региона достигнет примерно 18–20 млрд долл. США (ВРП Дальнего Востока в 2006 г. — около 40 млрд долл.).

Как показывает опыт освоения проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», энергосырьевые и специализированные инфраструктурные проекты отличаются низким значением «естественного» мультипликатора регионального развития, то есть, являясь высокоспециализированными и экспортно ориентированными производствами, они обладают невысоким эффектом комплексирования, стимулирования регионального спроса на продукцию вспомогательных, обслуживающих производств.

Серьезная проблема энергетической геополитики — замыкание тихоокеанского вектора экономического и энергетического сотрудничества только на Китай. Это, во-первых, вызовет ухудшение российско-японских и российско-корейских отношений, во-вторых, создаст предпосылки для возможного злоупотребления Китаем своим исключительным положением единственного (основного) импортера российских энергоресурсов в США.

Сотрудничество в сфере развития транспортной системы региона. В вопросах совместного развития и использования приграничной транспортной инфраструктуры китайская сторона в настоящее время занимает значительно более активную позицию, нежели Россия. В оценках российских специалистов по отдельным проектам нет единства, лоббируемые частные корпоративные интересы зачастую противоречат национальным. К «зонам особого интереса» КНР на Дальнем Востоке в области транспорта можно отнести:

сотрудничество в области совместного использования территории острова Большой Уссурийский, активный интерес к морским портам южной части Приморского края (порт в бухте Троица), организацию асимметричных условий автомобильных перевозок.

Российской стороной предполагалось создание нового международно-транспортного коридора от Большого Уссурийского острова до морских портов Ванино — Советская Гавань, предназначенного для транспортировки контейнерных грузов из северных провинций КНР. Этот проект неоднозначен для китайской стороны, поскольку возникает излишнее расстояние перевозки по сравнению с морскими портами Приморского края или южными портами КНР. Китайской стороной активно обсуждается вариант строительства крупного речного порта с проведением дноуглубительных работ.

Интерес КНР к организации прямого выхода в Японское море понятен, и не вызывает сомнений продолжение работы в этом направлении. Риски потери грузопотока в случае успеха реализации данной идеи для транспортной системы Дальнего Востока России очевидны. Одним из наиболее привлекательных для китайской стороны вариантов (географически) является морской порт в бухте Троица (Зарубино) в Приморском крае. Китайской стороной уже в 1990-е гг. поднимался и активно лоббировался вопрос о долгосрочной аренде данного порта с условием строительства в нем перегрузочных терминалов мощностью 35 млн т и более. После отрицательного решения по данному вопросу китайской стороной прорабатывались различные варианты: ориентация на порты КНДР, создание международной зоны свободной торговли, активизация работы в рамках проекта «Туманган» и т. д. В марте 2009 г., например, начал работу международный транспортный коридор Хуньчунь (провинция Цилинь, КНР) — Зарубино (Приморский край, РФ) — Сокчо (Республика Корея) — Ниигата (Япония).

Асимметрия развития автомобильных перевозок проявляется в организации китайской стороной сети приграничных перегрузочных терминалов (складское хранение, перегрузка, формирование грузовых партий и т. д.), минимизирующих расстояние транспортировки для российских перевозчиков, в то время как с российской стороны подобные терминалы в настоящее время отсутствуют. Между сопредельными территориями Сибири, Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая существует 22 пограничных пункта пропуска (включая 10 автомобильных, 3 железнодорожных и 9 речных). Распространение их сети способствовало не только расширению торговли, но и послужило эффективным стимулом развития экономики приграничных территорий КНР. Поэтому китайская сторона постоянно выступает с предложениями по организации новых погранпереходов. В провинции Хэйлунцзян планируется увеличить количество пунктов пропуска на границе с РФ

до 25. Ведется работа по превращению их в звенья, связывающие внутренние районы КНР с внешним миром. В зоне технико-экономического развития г. Харбина построен работающий на российское направление экспортный парк, который предоставляет всем зонам развития государственного уровня возможность экспорта в Россию [15]. Погранпереходы Суйфыньхэ, Дуннин, Хэйхэ, Тунцзян являются успешными примерами быстрого развития производственной сферы, обусловившего обоюдный рост финансово-экономических прибылей государства и провинции.

Одновременно с этим открытие многочисленных погранпереходов стало одной из причин снижения общего объема перемещения грузов и пассажиров по российской территории. Из-за образования многочисленных погранпереходов вдоль Транссибирской магистрали груз из Хабаровского и Приморского краев стал следовать в южные районы Северо-Востока Китая по транспортным путям, проходящим по китайской территории параллельно транспортным путям Приморского края. Тем самым китайцы повышают загрузку собственных автомобильных и железных дорог и создают им преимущество перед российскими.

В последние годы страны Азии ведут интенсивный поиск альтернативных транспортных коридоров, акцентируя при этом свое внимание на ранее считавшихся неконкурентоспособными сухопутных железнодорожных маршрутах, так или иначе выходящих на Транссибирскую магистраль.

Россия также связывает большие надежды с этим маршрутом, оправданно надеясь выгодно использовать свое транзитное положение и принадлежность большей части железнодорожной магистрали. Сегодня технические возможности Транссиба позволяют освоить объемы перевозок грузов до 100 млн т в год, в том числе 200 тыс. т грузов международного транзита в двадцатифутовых контейнерах, перевозимых из стран АТР в Европу и Центральную Азию [15].

Однако Китай также заинтересован в получении выгод от перевозок по своей территории и, более того, использует свое экономическое превосходство, чтобы активно изменять конфигурацию транспортных путей региона в свою пользу.

Давно пытаясь воплотить идею выхода к Японскому морю, Китай продолжает поиск наиболее эффективного маршрута экспорта своих товаров не только в Россию, но и через ее территорию в сопредельные страны. Так, например, как уже говорилось, обладая крупнейшими в мире запасами каменного угля, Китай ищет более эффективные пути его экспорта в Японию. Расстояние перевозки китайского угля через порты российского Приморья в Японию не превышает 1000 км, а его поставки через порт Далянь и Цусимский пролив значительно увеличивают транспортную составляющую в его

стоимости. Учитывая это, Китай в настоящее время завершает строительство железнодорожной линии Сюйян — Дуннин и предлагает российской стороне построить железную дорогу Дуннин — Уссурийск, обещая к перевозке по этому направлению 200 млн т угля на экспорт.

Реализация данного и некоторых подобных проектов окажется очень выгодной для КНР, однако не соответствует интересам России. Так, например, последствиями реализации этого проекта может стать потеря конкурентоспособности российскими (кузбасскими и якутскими) углями на рынке стран АТР, а также перемещение определенной части грузовых потоков на территорию КНР.

Однако приведенные примеры не говорят об однозначно негативной оценке изменения транспортной системы региона. Ее развитие и появление новых железнодорожных маршрутов могут позитивно отразиться на экономике дальневосточных портов, мощности которых в значительной степени недогружены. В частности, перспективными направлениями их загрузки может оказаться реализация проектов новых транспортных коридоров по маршрутам: североамериканские порты — Восточный/Владивосток — провинция Хэйлунцзян и североамериканские порты — Зарубино/Посьет — провинция Цзилинь.

* * *

Развитие экономического сотрудничества российского Дальнего Востока с Китаем, так же как и с другими странами Северо-Восточной Азии, определяется возможностью общеэкономической модернизации Дальневосточного региона. Если Китай активно реализует государственный план возрождения старой промышленной базы в своих северо-восточных провинциях [12], то на российском Дальнем Востоке за период 1967—2007 гг. реализовывалось 5 государственных программ социально-экономического развития (1967, 1972, 1987, 1996, 2002 гг.). В настоящее время в стадии реализации находится 6-я программа (2007 г.). Эти программы преследовали различные цели, но общей концепцией всех этих программ являлись модернизация экономической системы региона, повышение уровня ее адаптивности, эффективное встраивание региональной социально-экономической системы в национальное и международное разделение труда, создание встроенных стабилизаторов и акселераторов для повышения степени автономности региона. Общим недостатком всех программ, включая и программу 2007 г., являлся их чрезмерный «экономизм», отсутствие в них явного определения научно-технологических координат развития и инструментов имплантации технологических достижений в социально-экономическую ткань регионального развития.

К настоящему времени долгосрочное стратегическое планирование реги-

онального развития стало общепризнанным и обязательным элементом системы государственного регулирования. Однако принятая на государственном уровне методика разработки региональных стратегий фактически исключает явный учет научно-технологических сдвигов и тенденций, то есть выводит за пределы государственного регулирования собственно инновационный аспект развития страны и региона. Это противоречит как общей государственной концепции социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе, ориентированной на модернизацию экономической политики в пользу усиления инновационных механизмов в экономике и производстве, так и ее региональным компонентам. Для реальной модернизации экономики необходимо разрабатывать согласованные экономико-технологические прогнозы и основанные на этом симбиозе стратегии развития.

В действительности принятый в настоящее время 20-летний горизонт долгосрочного планирования, который заимствован у комплексных программ НТП советского периода, в настоящее время уже недостаточен. Экономическое развитие в современном мире представляет собой симбиоз длинных (технологических), среднесрочных (финансово-экономических) и коротких (конъюнктурных) циклов. Продолжительность «конъюнктурной волны» — порядка 2–4 лет, «средней волны» — 8–12 лет, «длинной волны» — 60–80 лет. Следовательно, для корректного учета основных факторов, определяющих социально-экономическую динамику на основе эффективного использования ресурсов (как известных, так и потенциальных), необходимо осуществлять разработку взаимно пересекающихся краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных и вековых прогнозов и стратегий. При этом для двух последних типов принципиальной особенностью является наличие прогнозов научно-технологических трендов и приоритетов.

Существует как минимум три фундаментальные проблемы, прояснение которых необходимо для продуктивного использования инструментария стратегического планирования и прогнозирования в планировании и регулировании регионального и национального социально-экономического развития:

- построение комплексного прогноза развития основных научных направлений и генерирования на этой основе эффективных технологий в региональном аспекте;
- синтез социально-экономического и научно-технологического прогнозов регионального развития;
- выработка долгосрочной стратегии развития Тихоокеанской России, обеспечивающей ее собственное эффективное социально-экономическое функционирование, а также формирование эффективного кооперационного пространства, общего для России и стран АТР.

Необходимо рассмотреть прогноз фундаментальных исследований и технологических инноваций применительно к Дальнему Востоку России, определить стратегии получения технологически адаптивных фундаментальных результатов и экономически адаптивных новых технологий на их основе, определить направления и перспективы формирования промышленных (сервисных) кластеров в регионе на основе данных технологических инноваций, определить условия формирования ядер конкурентоспособности для региональной экономики.

Оценка технологических сдвигов должна являться оболочкой для определения вариантов экономического прогноза и оценки вероятных социальных индикаторов макроэкономического характера.

Долгосрочная стратегия развития региона должна основываться на концепции реализации в долгосрочной перспективе политики «новой индустриализации восточных районов», предполагающей «шторм инноваций» на основе опережающего развития научно-технологического комплекса региона и соответствующих промышленных и сервисных секторов, а также формирования эффективной инновационной системы в регионе.

Именно юг Дальнего Востока обладает всеми основными элементами механизма генерации инноваций: вузовская система; фундаментальная и прикладная наука; исследования и разработки (экспериментальная база); инфраструктура (патентная служба и т. п.). Существующие потенциальные инновационные центры юга региона (Хабаровск, Комсомольск, Владивосток) — это «старые» центры, созданные до кризиса 1990-х гг., в советское время. Здесь же сосредоточены основные центры подготовки кадров. Специализация научных центров близка к отраслевой структуре высокотехнологического оборонно-промышленного комплекса. Именно в них или рядом с ними можно будет в перспективе создать особые экономические зоны технико-внедренческого типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Н. Е., Ланкин А. С. Лесной комплекс российского Дальнего Востока: влияние внешних рынков и внутренней политики // *Пространственная экономика*. 2009. № 1.
2. Деваева Е. И., Котова Т. Е. Российское Дальневосточье и АТР: внешнеэкономический аспект // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 6. С. 45–52.
3. Ежегодный обзор рынка лесных товаров ЕЭК ООН/ФАО, 2006–2007 годы. Нью-Йорк; Женева, 2007.
4. Левинталь А. Б. Об итогах реализации решений 7-го заседания Российско-китайского координационного совета по приграничному сотрудничеству // *Материалы 8-го заседания РККС по приграничному сотрудничеству*. Шеньян. КНР. 2006.

5. Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Хабаровск: РИОТИП, 2008.
6. *Минакир П. А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2005. № 4.
7. *Шейнгауз А. С., Антонова Н. Е.* Оценка последствий присоединения России к ВТО для развития лесного комплекса Дальневосточного федерального округа // *Проблемы прогнозирования*. 2008. № 3.
8. *Шейнгауз А. С.* Новый феномен восточноазиатской экономики — китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // *Пространственная экономика*. 2006. № 4; 2007. № 1.
9. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / под ред. П. А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований; Фонд мира Сасакава — Хабаровск: РИОТИП, 2007.
10. Annual review and Assessment of The World Timber Situation 2007. International Tropical Timber Organization. Yokohama, Japan. 2008. <http://www.itto.or.jp>.
11. *Gulidov R., Kalashnikov V.* Russia's Energy Cooperation with the NEA Countries: The Current Situation and Problems // *Northeast Asia Energy Focus*. Vol. 5. № 2. Summer 2008.
12. Plan of Revitalizing Northeast China by National Development and Reform Commission, Office of the Leading Group for Revitalizing Northeast China and Other Old Industrial Bases of the State Council, People's Republic of China. http://news.xinhuanet.com/english/2007-12/19/content_7279455.htm.
13. Report on the Implementation of the 2008 Plan for National Economic and Social Development and on the 2009 Draft Plan for National Economic and Social Development // Xinhua News Agency. March 15, 2009. <http://www.xinhuanet.com/english>.
14. United Nations Commodity Trade Statistics Database. <http://comtrade.un.org>.
15. <http://polpred.ru/free/china/49.htm>.

А. Н. Демьяненко

УСТОЙЧИВОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (о книге П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея «Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования»)

Приступая к рецензии, автор испытывал двойственные чувства: П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей — известные, и не только в России, исследователи, много и небезуспешно работавшие над решением проблем устойчивого природопользования, в том числе и на трансграничных территориях. В то же время ряд теоретико-методологических посылок и вытекающих из оных рекомендаций практического характера вызывали у автора рецензии активное несогласие. По этим причинам предлагаемый читателям журнала текст — не только рецензия, но и попытка обсудить тот круг проблем, который заявлен П. Я. Баклановым и С. С. Ганзеем [2]¹.

Итак, прежде всего о цели рецензируемой работы, которая была сформулирована авторами следующим образом: «географический анализ трансграничных территорий для разработки научных основ программ устойчивого природопользования в приграничных районах соседних стран» (2, с. 5).

© Демьяненко А. Н., 2009

¹ Отметим, что за последние годы авторы рецензируемой работы и вместе и по отдельности неоднократно обращались к заявленной теме, что дает основание рассматривать рецензируемую работу как в некотором роде итоговую (см., напр.: [1; 3; 5] и др.).

И сразу же формулируется своего рода исходная методологическая позиция: «Обоснование политики устойчивого природопользования невозможно без изучения природной основы трансграничных территорий — природных геосистем, их природно-ресурсного потенциала, хозяйственной деятельности и экологических последствий антропогенного пресса на ландшафты трансграничной территории» (2, с. 5).

По большому счету первые две главы «Теоретические основы исследования трансграничных территорий» и «Выделение трансграничных территорий» представляют собой детальное обоснование означенной выше методологической позиции.

Начинают П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей с констатации хорошо известного факта: терминологической неразберихи, которая помимо всего прочего свидетельствует о больших проблемах в понимании того, что есть «трансграничные территории», «геосистемы», ландшафты, наконец, «политика устойчивого природопользования». И хотя, как это было отмечено выше, авторы ограничивают себя «географическим анализом» перечисленных явлений и процессов, междисциплинарный характер проблемы неизбежно выводит их за очерченные ими самими рамки. Подтверждением тому служит следующее положение: «Все шире стали использоваться понятия «трансграничная территория, регион» и «приграничная территория, район», но зачастую в них вкладывается далеко не одинаковый смысл. Это связано с нечетким определением их содержания, свойств, функций и типов. Данный вопрос имеет не только научное, но и большое практическое значение, поскольку с ним связаны определенные экономические и геополитические действия государства и региональных властей. Для таких территорий определяются специфические приоритеты и ограничения в социально-экономической и экологической политике» (2, с. 8).

Далее следует теоретическое положение: «Если между двумя точками (пунктами) территории установлены существенные различия по ряду географических характеристик, то географическая граница между участками территории с разными характеристиками проходит через определенный отрезок, а не через точку. Это положение доказывает, что географическая граница — это некоторая зона, пояс, полоса, но не линия» (2, с. 8). По мнению автора рецензии, это положение требует детального рассмотрения, хотя бы в силу того, что в последующих построениях теоретического, а затем и прикладного характера оно играет значительную роль. Но об этом ниже.

Сейчас же продолжим следить за логикой П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, в которой независимо от того, имеем мы дело с границами природными или установленными человеком, «существуют не разделительные линии, а некоторые переходные зоны, пояса, полосы, которые даже не всегда удает-

ся однозначно выделить на местности» (2, с. 9). И так как географические границы выполняют «и функции разделения, и функции связи соседних различающихся между собой структур, территорий», то из этого, по мнению авторов, следует, что «географические структуры, как природные, так и пространственные социально-экономические, прилегающие к одной и той же географической границе, выделяются нами как контактные географические структуры. Чаще всего они в той или иной мере пересекаются между собой в зоне географической границы, в ее структуре» (2, с. 10). И, наконец, «в качестве специфических контактных географических структур можно рассматривать и территории, прилегающие к государственной границе», которые «при усилении связей и взаимодействий между контактными структурами или их отдельными звеньями формируются достаточно устойчивые связанные структуры по обе стороны от границы — трансграничные географические структуры» (2, с. 11).

Здесь сделаем паузу и посмотрим, какие еще есть суждения относительно географических границ. Для начала приведем суждение В. П. Семенова-Тян-Шанского: «Будем называть границей всякое вообще место смены географических явлений. Рубежом назовем границу резкую, где одно явление сразу обрубается, обрывается, чтобы уступить место другому. Границу же нерезкую, где одно явление, постепенно сменяясь, уступает место другому, назовем пределом» [12, с. 9–10].

Итак, есть «теоретическое положение» П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, а есть мнение В. П. Семенова-Тян-Шанского, которое представляется рецензенту как минимум более понятным и точным. Но, может быть, Вениамин Петрович был одинок в понимании природы географических границ?

Отнюдь, ибо, если мы обратимся к А. Геттнеру, то обнаружим следующее: «Фигура и величина границ имеют значение лишь постольку, поскольку они указывают на распространение сразу и явления и действующей причины. До тех пор, пока мы будем обращать внимание только на однородность или неоднородность явлений, мы не будем в состоянии говорить собственно о расчленении, которое всегда предполагает взаимоотношение частей, а только о пространственном распределении явлений» [6, с. 251].

Если мы теперь вновь обратимся к «теоретическому положению», то оно имеет отношение исключительно к «пространственному распределению явлений» и не более того, но не к «смене географических явлений» и тем более не к смене «явлений и действующих причин». Здесь следует отметить, что и В. П. Семенов-Тян-Шанский, и А. Геттнер, рассуждая о границах, имеют в виду районы как территориальные системы, и в этой связи не важно, как они их называют: районами, странами и т. д.

Теперь стоит прояснить вопрос о том, могут ли границы между районами

(физико-географическими или социально-экономическими) иметь линейный характер или же всегда, как это следует из «теоретического положения», граница есть «зона, пояс, полоса, но не линия».

Опять-таки, начнем с классики: «Всякая граница условна, приближительна. Но необходимо ли стремиться к объективной точности границ? Мы думаем что — нет. В громадном подавляющем большинстве случаев для нас важнее район в целом, а не относительно узкая переходная полоса. И, говоря о районе, мы обыкновенно имеем в виду определенный массив» [10, с. 19].

Справедливости ради отметим, что речь идет об экономических районах, — это во-первых, и, во-вторых, Б. Н. Книпович все-таки оставляет право на существование и узким переходным полосам. Итак, констатируем, что опыт экономического (прежде всего сельскохозяйственного) районирования начала XX в. оставляет возможность существования, в качестве исключения, «зон, поясов и полос».

Другой подход, который опирается на исключительно богатый эмпирический материал по торговле и промышленности России начала XX в., был сформулирован В. П. Семеновым-Тян-Шанским: «Нерезкость границ зональных торгово-промышленных полос естественно обуславливает существование отдельных районов или целых групп и подгрупп районов более или менее метаэкономического (переходного) характера» [11, с. 17].

Возникает законный вопрос: каким образом все вышесказанное имеет отношение к «контактным структурам» и «трансграничным географическим структурам, как разновидности контактных», выделяемым П. Я. Баклановым и С. С. Ганзеем?

Для этого вновь вернемся к тесту рецензируемой монографии: «В понятие контактных структур вкладывается реальное или потенциальное взаимодействие территорий и их природных или социально-экономических звеньев, расположенных по обе стороны границы, реальные либо потенциальные формы целостности, связанности, общности территорий и их природных или социально-экономических звеньев, расположенных по обе стороны границы» (2, с. 12). Иначе говоря, речь идет о возможностях реализации функции связи географической границы как в природном, так и в социально-экономическом отношении.

Что же касается трансграничных географических структур, то они выделяются из контактных, «когда существенно и устойчиво взаимодействующие звенья последних образуют новую целостную географическую структуру, пересекаемую географической границей» (2, с. 11–12). Но если потенциал функции связи границы реализован, то мы вправе рассматривать при определенных условиях границу как фактор районообразования. Но о районировании, районообразовании и районах пока речи нет, есть лишь «территориальные

структуры» и «звенья», что при многозначности этих терминов, особенно последнего, мало что проясняет.

Если к этому присовокупить «территории», то ситуация становится, как минимум, сложной. Приведем в этой связи определение приграничной территории: «это территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества. Его можно назвать специфическим потенциалом приграничья» (2, с. 13–14).

Не хочется придирается к словам, но «территория» — это что? Как этот термин соотносится с уже устоявшимися понятиями географической науки? Следует его понимать как отказ, скажем, от термина «район» и т. д. Более того, почему потенциал пограничья работает исключительно на развитие и международное сотрудничество? Хорошо известны случаи, когда границы, в том числе и государственные, вызывали прямо противоположные эффекты.

Все эти ответы остаются вне рассмотрения, что никоим образом ни хорошо и ни плохо, это — констатация факта.

Тем более что авторы последовательно проводят свою логику: «В процессе многостороннего взаимовлияния и взаимодействия приграничных территорий двух соседних стран происходит формирование особой достаточно целостной структуры — международной трансграничной территории» (2, с. 15).

И все же международная трансграничная территория, «как правило, не является целостной географической системой, так как одна из ее границ, совпадающая с государственной, проведена искусственно и не отражает закономерного изменения структуры и типа функционирования природной среды» (2, с. 16).

И тем не менее «международная трансграничная территория — это, как правило, комплексная географическая структура, сочетающая в себе определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, расселения населения, а также его хозяйственную деятельность в границах крупной геосистемы» (2, с. 17).

Теперь вслед за авторами оставляем на время международные трансграничные территории и возвращаемся к трансграничным географическим структурам и соответствующим им территориям. Для всех шести типов трансграничных географических структур, по мнению П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, характерно наличие следующих свойств:

1) *двухзвенность* — наличие двух различающихся звеньев по обе стороны границы, при этом «отдельным звеньям присуща определенная самостоятельность в динамике и развитии, а парным звеньям — определенная целостность» (2, с. 21);